
Н. Ф. КОТЛЯР

«ГОСУДАРЕВ ДВОР» НА РУСИ XII–XIII вв.

В последние годы оживились интерес и усилия ученых в исследованиях проблематики властных институтов средневековых обществ. Эти институты изучаются главным образом в западноевропейских странах с развитой исторической наукой. Работы в этом направлении с последних лет прошлого столетия ведутся также в России.¹ Усовершенствование методологии исследования, в частности, внедрение новых методик в соединении с повышением внимания к микроисторическим процессам и явлениям в средневековых обществах, сосредоточением его на конкретных исторических персонажах позволяют постепенно формировать современный образ двора как властного института, во внутреннем мире и деятельности которого фокусировались все стороны жизни средневекового общества.²

Как писал в прошлом известный украинский историк, деятельность двора охватывала все сферы тогдашней политики и управления. Своей властью князь мог начать войну, назначить поход, заключить союз и подписать мир. Он издавал законы, имел в своих руках всю администрацию земли и непосредственно руководил ею, распоряжался доходами княжества, определял уровень и характер податей, назначал свою администрацию: тысяцкого, сотников, десятских и др.³ Двор монарха как властный институт регулировал экономические отношения, был средоточием культурной, религиозной и вообще духовной жизни общества, объективно стимулировал процессы, происходившие в государстве. Личность государя решающим образом влияла на деятельность госу-

¹ См.: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. Вып. 1; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004.

² Хачатурян Н. А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе... С. 13.

³ Грушевський М. Історія України–Руси. Львів, 1905. Т. 3. С. 224–226.

дарства и сплачивала нацию, — естественно, в том случае, когда монарх соответствовал своему назначению.

Не может быть сомнений в том, что на Руси «государев двор» имел свои особенности социального, политического, экономического и другого характера, из-за чего не стоит распространять на него все выводы, сделанные учеными на материале западноевропейских стран: Франции, Германии, Италии или Англии. Но вместе с тем общеевропейские закономерности эволюции общества в той или иной степени распространялись и на весь восточнославянский мир. Поэтому не следует изучать процессы общественно-политической жизни на Руси в изоляции от аналогичных явлений в Центральной и Восточной Европе.

Итак, двор государя был сердцем средневекового государства, пусть далеко не всегда работавшим ритмично и без сбоев. Однако он не существовал вечно и не мог сложиться одновременно с возникновением того или иного государственного организма. Ведь древнерусская государственность родилась и развивалась в родоплеменной среде, более ста лет носила дружинный характер.⁴ Тогда господствующий слой Русского государства был представлен верхушкой дружины, из ее членов в течение десятилетий складывался элементарный аппарат управления, дружина осуществляла сбор дани и судебные функции.

Государственная структура и система управления Киевской Руси начала ее складывания представлена в договорах Олега и Игоря 911 и 944 гг. Общество состояло из киевского князя, светлых и великих князей или «всякого князя»,⁵ великих бояр и всех русских людей.⁶ Собственно дружинники в текстах соглашений с греками почему-то не названы. Но ведь бояре и, вероятно, племенные князья (во всяком случае, большинство из них) входили в дружину киевского князя, в ее привилегированную верхушку, потому что иного господствующего и правящего слоя тогда просто не существовало. Они же должны были составлять первичный, совсем еще примитивный, аппарат управления.

Дружина в управлении страной

Дружину изучало много ученых, интерес к ней не ослабевает и в наше время. Среди них успешно работает в этой проблематике А. А. Горский. Он полагает, что институт дружины был свойствен обществам эпохи генезиса феодализма, а дружинная знать складывается лишь во времена возникновения раннефеодального общества.⁷ Но, как мне до-

⁴ Мельникова Е. А. К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 39.

⁵ И те и другие были вождями племенных союзов и княжений.

⁶ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 17, 23, 24.

⁷ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 10–11, 35, 118 и др.

водилось отмечать раньше, работам Горского присуща определенная модернизация восточнославянского общества.

По моему мнению, дружина явилась продуктом не столько кардинальных изменений общественно-политических отношений, сколько процессов зарождения и развития элементов государственности. В руках государя она была средством принуждения и управления, собирания дани, защиты собственных интересов и населения страны от врага. Горский и другие исследователи приводят археологические аргументы в пользу того, что сильнейшие контингенты дружинников сосредоточивались в Среднем Поднепровье.⁸ Это как раз и свидетельствует о конструктивной деятельности дружины в эпоху становления восточнославянской государственности.

Участью дружины в государственном управлении Русью позднейших времен (тогда, когда уже формируется двор) будут посвящены последующие страницы, здесь же речь пойдет об отношениях между князем и дружинниками на начальном этапе существования государства, могущих, кажется, пролить свет на определенные особенности его социального и политического устройства. Свидетельства этого заимствованы преимущественно из фольклорных источников (отразившихся в летописи), из-за чего им присущи хронологическая нечеткость и идеализация княжеско-дружинных связей.

Свидетельства источников об отношениях между князем и дружиной в Повести временных лет берут начало со времен Игоря, после 912 г. Да и само слово «дружина» появляется в летописи достаточно поздно, лишь в описании похода Игоря на греков 941 г.⁹ Можно думать, это произошло вовсе не случайно и может свидетельствовать о возросшей роли дружины в обществе и начале превращения ее верхушки в элементарный аппарат государственного управления и совет при государе. В ходе второго похода на Царьград в 944 г. Игорь «созва дружину и нача думати» о предложении византийского императора заключить мир. Дружинники предложили своему князю взять обещанные греками золотые паволоки и «не воевати их», и «послуша ихъ Игорь».¹⁰ Как видим, дружина по существу решает вопросы войны и мира в еще недостаточно сплоченном государстве Рюриковичей. Как заметил В. И. Сергеевич, дружине нельзя приказывать, ее нужно убеждать.¹¹ Так было, можно думать, вплоть до установления раннефеодальной монархии на Руси в последние годы княжения Владимира Святославича.

В летописи Игорь выглядит зависимым от своей дружины государем. А это означает, что в его время государственная власть не была еще достаточно сильной и организованной, не отделилась от дружин-

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Повесть временных лет. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. Территория и население. СПб., 1890. С. 305.

ной верхушки, а сам он не пользовался авторитетом среди воинов, — в отличие от предшественника Олега. Игорь слушается дружину во всем, и не только в важнейшем государственном деле — подписании мира с Византийской империей. Дружина побудила своего князя пойти в последний, губительный для него поход за древлянской данью.¹²

Государи Руси второй половины X в. Святослав и Владимир изображены летописцем подлинными дружинными князьями, — и это при том, что оба обладали сильным и независимым характером. Таким выступает Святослав в рассказе источника 964 г. о начале его самостоятельной государственной деятельности, когда он перенял власть у матери Ольги. Дружина во всем слушается своего князя, но и он считается с ее мнением и ценит его. На уговоры Ольги принять крещение Святослав с неловкостью отвечает: «„Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина моа сему смѣяться начнуть!“». Она же рече ему: „Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити!“». Он же не послуша матере...».¹³ Вероятно, Святослав Игоревич не осознал важности приобщения к универсальной мировой религии, как это понимала его державная мать... Но если бы и понимал, то все равно не мог, наверное, решиться на столь важный шаг без совета со своей дружиной, конечно же, с ее верхушкой.

Охотно и подробно рассказывает Повесть временных лет о внимании и любви Владимира Святославича к своей дружине. Имею в виду эпизод с заменой деревянных ложек серебряными. Рассказывая о пирах, устраивавшихся Владимиром в своей гряднице, летописец повествует: «Егда же подпыхуться [дружинники], начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными“. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сие, яко: „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра“».¹⁴

Вне сомнения, летописец вписал в свой труд отрывок из дружинного фольклора, вероятно, какой-то песни, в которой воины воспевали своего князя, не забывая и себя при этом. Вряд ли подобный эпизод имел место, и не только в отношениях с дружиной Владимира, но и его предшественников. Но для нас представляется важным донесенное источником общественное мнение, согласно которому государь с дружиной составлял нечто целое. Как заметил историк, отношения между князем и дружиной были и служебными и неформальными, теплыми, она разделяла и успехи и неудачи князя. Ведь дружина была главной опорой княжеской власти, и ему, кроме дружины, собственно, не на кого опереться. Поэтому советоваться с дружиной, держать ее в курсе своих планов требовали не только амбиции или интересы дружины, но

¹² Повесть временных лет. С. 26–27.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 56.

и интересы самого князя.¹⁵ Своеобразным гимном дружинности звучат слова летописца: «Бѣ бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...».¹⁶ В действительности, во времена Владимира, в особенности после принятия христианства на Руси, дружинность катится к закату.

В эпоху Владимира Святославича завершается существование дружинной формы государства. Уже в летописных рассказах о княжении его сына Ярослава дружина играет в основном военную роль. И все же дружинность государства не могла закончиться в одночасье. Ярославу тоже до времени приходилось считаться со своими дружинниками, и не только на полях битв в 1015–1019 гг. Рассказывая о его вокняжении в Киеве в 1019 г., Нестор не забывает вспомнить и о тех, кто обеспечил ему победу: «Ярославъ же съде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ».¹⁷

Точно так же в описаниях первой половины XI в. Повесть временных лет, вслед за фольклорной традицией и отдавая дань общественному мнению (в котором так много значила традиция вообще), продолжает воспевать любовь князя к дружине как высшую добродетель. Брата Ярослава, тмутороканского, а затем черниговского князя Мстислава, летописец изображает последним дружинным государем. В посмертном панегирике Мстиславу говорится, что он «любяше дружину по велику»,¹⁸ тогда как в обширной посмертной похвале Ярославу превозносятся мудрость государя, но ни словом не упомянута его дружина.

Во времена Ярослава дружина и дружинность как факторы общественно-политической жизни теряли позиции, что отмечено А. Е. Пресняковым при изучении памятников древнерусского права. Он заметил, что в древнейшей части Русской Правды сохранились черты дружинного права, но они оказались на втором плане, поскольку новгородцам удалось добиться от князя защиты от своеволия и насилий дружинников. Если это так, подытожил свои наблюдения ученый, то княжеская власть впервые при Ярославе вначале на новгородской почве получает характер правительственной власти, и князь из «начальника дружины» делается «земской властью»,¹⁹ т. е. властью для всего народа, а не выразителем интересов дружины, как было раньше.

Вместе с тем необходимо отметить, что дружина продолжала занимать достойное место в древнерусском феодальном обществе и после Владимира Святославича. Но сказанное не означает, что государство и в XI–XII вв. сохраняло дружинную форму правления. Сама дружина все более расслаивается, из нее четко выделяется боярство. В летописях

¹⁵ Грушевський М. Історія України–Руси. Т. 3. С. 227–228.

¹⁶ Повесть временных лет. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII вв. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.370.

конца X–начала XI в. дружинники выступают под общим наименованием «гриди». Напомним знаменитое место Повести Нестора о пирах Владимира под 996 г.: «По вся нѣделя устави [Владимир] на дворѣ въ гридьницѣ пирь творити, и приходити боляром, и гридем, и съдьскимъ, идесяцьским, и нарочитымъ мужем...».²⁰ Однородной выглядит и дружина Ярослава в годы его пребывания в Новгороде: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Киеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху...».²¹

Источники позднейшего времени, второй половины XII–XIII в., различают старших и младших дружинников, отроков, детских и др. Вместе с тем в летописях, преимущественно в новгородских, сохраняется и термин «гриди», чаще всего для обозначения верхушки дружины. Под 1166 г. Новгородская первая летопись отметила: «Приде Ростиславъ [Мстиславич] ис Киева на Луки и позва новгородьце на порядъ, огнищане, гридь, купцѣ вячьшее».²² А в 1195 г. владими́ро-суздальский великий князь Всеволод Юрьевич позвал новгородцев в поход на Чернигов, «на Ярослава и на все Ольгово племя <...> Идоша съ княземъ Ярославѣмъ [Владимировичем] огнищане и гридьба, и купци».²³ Оба раза гриди упоминаются новгородским книжником в кругу состоятельных людей, «вячьших» купцов и огнищан, которые также были богатыми гражданами Новгорода. Это наводит на мысль, что часть тех гридей принадлежала к дружинной верхушке.

С XII в. дружина перестает быть единым господствующим слоем общества, в него с того времени входит лишь ее верхушка. А зарождение в течение конца XI–XII в. индивидуального феодального землевладения выдвинуло на первый план иную социальную прослойку: земельную аристократию из числа все тех же старших дружинников, боярства и части старой племенной знати, сумевшей превратиться в бояр.

Постепенно перерастая в феодальную знать, дружинная верхушка сохранила определенную роль в общественно-политической жизни Древнерусского государства. Из нее выходили советники и администраторы князя. Накануне похода против половцев 1103 г. «сѣде Святполкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати» о предстоящей войне с кочевниками.²⁴ А Мономах в «Поучении» повествует о повседневной жизни князя, его наполненном заботами дне и вспоминает о его советниках: «Сѣдше думати с дружиною...».²⁵ В обоих случаях речь идет, вне сомнения, о высшем слое княжеской дружины.

²⁰ Повесть временных лет. С. 56.

²¹ Там же. С. 58.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 32.

²³ Там же. С. 42.

²⁴ Повесть временных лет. С. 117–118.

²⁵ Там же. С. 102.

Не стоит говорить о существовании княжеского двора на Руси в X–XI вв., как часто пишут в наше время, особенно западные и американские ученые. О дворе как властной структуре долгое время не приходится и упоминать. Страной управлял князь с ближайшим окружением. Ведь государь и был государством — другого государства не существовало. Доверенные люди князя, ближние дружинники и бояре, от его имени собирали дань, вершили суд и осуществляли административные функции. Но твердого правила в этом не существовало. Так, Игорь отдал древлянскую дань Свенельду, но не определил конкретно, какую часть этой дани воевода брал себе, а какую должен был отдавать князю. Из-за этого князь и погиб, стремясь взять с древлян дань, ему, по-видимому, не принадлежавшую. Важно отметить, что эту чрезмерную дань Игорь пошел собирать под давлением своих дружинников, которые задирали Свенельдовым, по их мнению, бывшим богаче их.²⁶

А. Е. Пресняков, стремясь разобраться в терминологии источников, обратил внимание на параллелизм использования ими выражений «огнищанин — княж муж», «огнищане и гриди» — «бояре и гриди» и пришел к выводу, что огнищане были членами княжьего огнища, дома своего государя, т. е. дружинниками. Огнищане принадлежали к верхушке дружины, будучи старшими дружинниками. Ученый подчеркивает, что к концу XII в. понятие о княжеской дружине весьма расширилось. Оно охватывает влиятельные верхи общества и всю военную силу княжества. Дружина разделилась на княжеский двор и боярство, крупное и рядовое.²⁷

По мнению Преснякова, дружина была не главной военной силой княжества, как ее иногда называли, а лишь отборным ядром воинов-телохранителей князя, его «двором» — постоянными спутниками и советниками и штабом, который давал организаторов и вождей от княжеской руки народному ополчению. В широком смысле слова «двора княжьего» дружина и была главным орудием княжеской администрации и княжеского хозяйства.²⁸ Историк называл дружину, точнее, ее верхушку, двором лишь условно и писал это слово в кавычках. Действительно, такой властной структуры, как двор, Русь X–XI вв. еще не знала. Об этом свидетельствует хотя бы отсутствие в источниках того времени терминов «двор» и производного от него «дворяне».

Складывание и эволюция княжеского двора в XII–XIII вв.

Тогда возникает естественный вопрос: каким же образом осуществлялось управление княжеством во времена, когда двора не существовало?

²⁶ Там же. С. 26–27.

²⁷ Пресняков А. Е. Княжеское право... С. 214.

²⁸ Там же. С. 412.

Более полувека назад историки, и среди них очень авторитетные, представляли руководящий аппарат древнерусского князя в XII–XIII вв. следующим образом. С возникновением и развитием вотчинного хозяйства, княжеского и боярского, все большую роль начинают играть слуги-управители. Князь постоянно ими окружен, они управляют его домом и хозяйством, с ними он привык советоваться, они входят в состав его младшей дружины. Члены же передней, старшей дружины теперь сами вплотную занялись собственными вотчинными и хозяйственными делами. Их все меньше интересуют княжеские дела, а князь теперь меньше ощущает потребность в «мужах отцов своих». Разве что «думают» они обо всех важных делах, как и раньше, вместе.²⁹

В нарисованной нашим знаменитым предшественником яркой и эмоциональной картине многое было пересмотрено позднейшими исследователями. Главный тезис относительно значения управителей в княжеском дворе представляется верным. Но сохраняет ли он значение для X–XI вв.? Вряд ли. Кучка старших дружинников (и боярства, в нее входившей) не была структурированной, обязанности по управлению государством или хотя бы имением князя не были распределены и четко определены. Безусловно, на практике подобная специализация среди окружения князя могла существовать. Кто-то среди дружинников и бояр более умело собирал дань, другой имел склонность к судебным делам и пр. Однако специализация, да и то не полная, появится лишь тогда, когда образуется княжеский двор как постоянная и неременная составная часть государственного организма.

Термин «княжеский двор» в значении властной структуры зафиксирован источниками с XII в. В подобном значении он продолжает выступать в них в течение всего XIII в., да и позднее.

Факторы, движущие силы и обстоятельства возникновения княжеского двора необходимо исследовать в рамках изучения общественно-экономического и политического развития Руси эпохи удельной раздробленности, — тогда, когда этот двор образуется. Эволюция княжеского и боярского землевладения, которая привела к политическому раздроблению страны и превратила Русь в федеративную монархию (с середины XII в.), сыграла определяющую роль в смене древней примитивной системы управления, олицетворявшейся княжеской дружиной, когда государство было относительно единым и централизованным, новой структурой и организацией государственного управления — княжеским двором.³⁰ Безусловно, эта трансформация проходила болезненно для верхушки общества, поскольку в ее течении часть бояр

²⁹ Мавродин В. В. Социальный и политический строй // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 2. Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера. М.; Л., 1951. С. 23.

³⁰ См.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 591.

неминуемо отстранялась от управления, а на их место приходили другие, со временем все больше незнатные люди.

Сфера деятельности двора, по крайней мере в XIII в., вовсе не ограничивалась собиранием дани, судебными и административными функциями. Исключительное положение суверена, от которого зависели все прочие в княжестве, обусловила статус двора в течение всей истории средневековья как средоточия политической системы, выходившей за рамки частной жизни и частного жилища монарха. Двор был резиденцией государя и политическим центром государства. В своем составе он насчитывал несколько десятков, а то и сотен человек — так бывало в крупных княжествах: Галицко-Волынском, Ростово-Суздальском, Черниговском. И это объясняется не только сугубо управленческими функциями, но и тем, что люди двора были одновременно и охраной, и советниками, и администраторами, и даже мобильной военной силой, всегда находившейся под рукой государя.

Членов двора, как должностных лиц, бояр, дружинников, так и министериалов, наряду с несением службы государю, объединяли неформальные личные связи, охватывавшие широкий слой иных участников действия — личную охрану князя (не обязательно дружинников), его слуг и любимцев. Отношениям между людьми двора были присущи соперничество и интриги, в какой-то мере уравновешивавшиеся отношениями солидарности и взаимопомощи.³¹ Это особенно наглядно видно на примере двора Даниила Романовича Галицкого, в котором постоянно соперничали и бояре различного происхождения (галицкие и волынские) и различной политической ориентации, и воеводы, стремившиеся к первенству, и другие должностные лица, и даже министериалы — служащие низшего ранга, не обязательно благородного происхождения.

Определенная, пусть и относительная в условиях раздробленности государства стабильность двора как государственной структуры опиралась на традицию службы княжеских дружинников, берущую начало в седой древности. Еще в XIX в. историки (М. П. Погодин и др.) пришли к мнению, что уже в XII–XIII вв. служба дружинников, по крайней мере, тех, кто попал на страницы летописей, была нередко наследственной. Тем более существует оснований полагать, что такая служба существовала в предыдущее время в X–XI вв. В те времена дружинники не имели ни ценностей, ни земли, полностью пребывая на содержании своего князя, — и зависели от него во всем.

В Повести временных лет такими дружинниками, при этом принадлежащими к ближайшему окружению князя, выступают Вышата и сын его Янь. Их имена попали в летопись не случайно — оба были информаторами летописцев, Вышата — Никона, а Янь — Нестора.³² Отец и сын были воеводами и администраторами, которым князья поручали

³¹ *Хачатурян Н. А.* Запретный плод... С. 17.

³² *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет. Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 323, 328.

важнейшие дела. Выпате, «отцю Яневу», не забывает уточнить летописец, Ярослав «поручи воеводство» в последнем походе Руси на Царьград 1043 г.³³ Гораздо больше сведений сохранила летопись о его сыне Яне. В 1071 г. он умиряет восстание волхвов в Белозерье, куда прибыл от черниговского князя Святослава Ярославича для сбора полюдь. Под 1089 г. при киевском князе Всеволоде Ярославиче «воеводство держащу Киевския тысяща Яневи» — он занимал высшую должность в стольном граде. Нестор с умилением пишет, что Яна и его жену Марию любил Феодосий Печерский, придя перед смертью в Янев дом. Ближайшим советником следующего киевского государя Святополка Изяславича Ян оказался в 1093 г. во время драматических переговоров между Святополком и Владимиром Мономахом по поводу организации совместного похода князей против половцев. Ян дожил до глубокой старости, и Нестор откликнулся на его кончину в 1102 г. прочувствованным панегириком, заключив его словами: был тот «не худий бѣ первых праведник».³⁴

Когда дружинник (а впоследствии и член двора, особенно министр-риал, обычно принадлежавший к отрокам и младшим дружинникам) вступал на службу к князю, он приносил присягу за себя и своих детей верно служить ему. Двор князя складывался постепенно, писал С. Б. Веселовский, из местных и приезжих слуг, которые во время вступления на службу по своей предыдущей боевой репутации и личным заслугам размещались в нем в установленном порядке. У каждого были свое «место» и своя «честь», и каждый дорожил своей служебной честью. Двор великого князя как аппарат власти был крепким, медленно складывавшимся организмом, но вовсе не случайным сбродом случайных людей.³⁵

Историку средневековья, по моему мнению, особенно важным представляется изучение роли двора в становлении государственности, о чем, к сожалению, имеем разве что попутные и случайные свидетельства источников, прежде всего Галицко-Волынской летописи. То же самое можно сказать и о поведенных источниками (почти исключительно Киевской летописью XII в.) обстоятельствах развития древнерусской государственности вокруг Киева.

Основной целью моей работы представляется изучение процесса возникновения властной структуры, называемой источниками «княжий двор», а также установление времени его формирования. В. Д. Назаров, которому принадлежит одно из немногих серьезных исследований темы, уверенно написал, что институт двора возник не позднее последней трети XII в.³⁶ Свои выводы он построил на новгородском и владимиро-

³³ Повесть временных лет. С. 67.

³⁴ Там же. С. 76, 77, 88, 90, 92, 119.

³⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466–469.

³⁶ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1979. С. 104.

суздальском летописании. Однако существуют серьезные основания распространить их на древнерусское общество XII–XIII вв. вообще.

Сильный стимул для развития двор постоянно получал именно благодаря тому, что эта структура, рожденная наступлением раздробленности, была особенно важна для государя и его власти в эпоху политической разобщенности страны. Ведь двор как ближайшее окружение князя и боевой отряд, всегда бывший под рукой, был крайне нужен в годы, когда князья боролись между собой за все новые и новые владения, часто меняли столы, перебираясь с менее выгодного и престижного на лучший (часто в их понимании). Тогда двор также переезжал в новый для него город, решающим образом влияя и на его жизнь, и на жизнь волости, которую он с той поры возглавлял.

Как было сказано, двор как особая структура преданных князю служилых людей сохранялся при переезде государя из одного княжества в другое. Прямой наследник дружины — двор — представлял собой всегда готовую к действию внутренне структурированную организацию бояр и дворян-слуг, отряд отборных воинов, административный аппарат и группу доверенных слуг княжеского двора. Прежних младших членов дружины «отроков» сменили слуги-дворяне. Летописи и другие источники знают разновидности людей двора, таких, как посадники, тиуны, стольники, меченоши, седельничие и др. Но вначале это еще не были придворные чины или должности, а лишь временные и непостоянные поручения.

Княжеский двор вначале выполнял те же функции, что и дружинная управа. Бояре представляли государя на местах, в крупнейших городах княжества. Дани и судебные мыта в пользу князя, как и раньше, собирали посадники и тиуны, администраторы княжеского хозяйства. Из собранного они выделяли десятину церкви и оставляли часть себе как содержание на службе: налоговая и административно-судовая система материально обеспечивала княжеских людей денежным довольствием и натуральным кормом за выполнение должностных обязанностей. Подобное вознаграждение берет начало в русской древности.

Во вступительной статье к Новгородской первой летописи младшего извода книжник с восхищением и ностальгией вспоминает об идеальных временах отношений между князем и дружиной: «Како быша древнии князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския землѣ, и ины страны придаху под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирѣ, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмѣ, дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющесе и рекуще: „Братие, потягнемъ по своему князѣ и по Руской землѣ“».³⁷ Прочитированные слова относятся не только к дружине — с течением времени они все больше касались всех вассалов князя: бояр, должностных лиц и слуг.

³⁷ Новгородская первая летопись... С. 104.

Внешне в XII–XIII вв. все выглядело как раньше. Те же люди от имени государя осуществляют властные и прочие функции, как раньше, получают то же привычное вознаграждение. Но в действительности все было намного сложнее. Организация служащих государю людей претерпевает серьезные изменения под влиянием общих, универсальных для всей Руси процессов социальной, экономической и духовной жизни, вызванных все тем же нарастанием процессов удельной раздробленности. Кучка мало организованных дружинников, обеспечивавших функционирование власти, постепенно перерастает в орган государственного управления — княжеский двор.

Двор и дворяне

Возрастание роли и значения двора во всех областях государственного бытия неминуемо влияло и на развитие среднего и низшего слоя служилых людей. В течение конца XII–XIII в. многие бояре и старшие дружинники сменяются в аппарате государственного руководства младшими, а также людьми, уже не связанными с дружиной и боярством. Поэтому в источниках появляется термин «дворяне», т. е. люди княжеского двора. Они пребывали в жесткой зависимости от государя.³⁸ Это понятие, обозначавшее служивших государю людей с объединенными административно-судебными, военными и сугубо служебными в самом дворе обязанностями, вобрало в себя различных по происхождению и положению людей: чинов двора и министерялов, мелких чиновников, часть которых находилась в феодальной зависимости от государя. Дружинные реальности и традиции, так же, как и сами дружинники, постепенно оказывались в прошлом. Отмеченная исследователями на материале источников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, эта закономерность может быть, на мой взгляд, распространена на все русские земли XII–XIII вв.

Лингвисты называют два значения понятия «двор»: 1) огороженное место вокруг жилого дома (княжеского также) и служб; 2) имение, хозяйство. В приведенных в исследовании А. С. Львова примерах видим, что одно из значений слова, в нашем случае — основное: княжеский двор был резиденцией государя, местом отправления им и его людьми судебных и административных функций, центром поступления и перераспределения государственных даней, судебных штрафов.³⁹

Согласно статье 38 Краткой редакции Русской Правды задержанный до рассвета вор должен быть приведен на княжеский двор для судебной процедуры, а в статье 20 Распространенной редакции описан приход пострадавшего от кражи на княжеский двор для внесения ис-

³⁸ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в России // История СССР. 1991. № 4. С. 56–57.

³⁹ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 109–110.

ка.⁴⁰ Львов указывает на уставные княжеские грамоты XII в. с упоминаниями двора государя. Согласно уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1136/37 г. собору св. Софии в Новгороде давалась десятина от «данинь и отъ вирь, и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего», а смоленский государь Ростислав Мстиславич пожаловал в 1136 г. смоленской епископии «из двора своего осмь капии восу».⁴¹

Но прямых упоминаний о княжеском дворе в источниках совсем мало. Приходится использовать случайные, непрямые свидетельства летописных и других памятников письменности. Единственный источник, в котором двор выступает сравнительно часто, это новгородские летописи. Воспользуюсь наиболее известной и авторитетной среди них — Новгородской первой летописью старшего и младшего изводов. Но перед этим стоит сказать несколько слов о значении и ценности свидетельств источников такого рода, а также о системе терминов, при помощи которых обозначались люди двора. Необходимо выделить из массива этих терминов лишь те, которые могут стать ключевыми в штудировании феномена двора и конкретной деятельности его членов, определить хронологические рамки использования их в источниках, установить отрезки времени, когда упомянутые термины употреблялись более или менее систематически.

Мне известна лишь одна статья, в которой предпринята попытка очертить границы использования в летописях и других письменных памятниках понятий «двор» и «дворяне», — уже упомянутая работа В. Д. Назарова. Среди прочих, затрагивавших этот сюжет, назову многолетний труд Х. Ловмянского, в котором ученый справедливо заметил, что изменения в терминологии русских источников на рубеже XII–XIII вв., в частности появление двора и дворян, отразили существенные изменения в структуре, организации, да и самой численности феодального класса.⁴² Назаров составил подборку мест из летописи, в которых упоминаются двор и дворяне. Это почти исключительно летописи новгородские.

Но не следует думать, что существование княжеского двора было чуть ли не исключительной прерогативой Новгородской боярской республики и приглашенного ею со стороны князя. Без двора на Руси, да и во всех других европейских странах, государь не мог править и даже существовать. Просто в Новгороде, как больше нигде (за исключением разве что соседнего Пскова), существовало и бурлило противостояние князя с его двором и новгородской общины во главе с вечем. Это постоянное противостояние, часто принимавшее драматические формы, побуждало летописцев отделять князя и его окружение (двор) от новго-

⁴⁰ Правда Русская. М.: Л., 1940. Т. 1. С. 72, 81, 106, 108, 124, 126.

⁴¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 147, 144.

⁴² *Łowmiański H. Początki Polski*. Warszawa, 1970. Т. 4. S. 177–178.

родцев, прежде всего веча. Княжеский двор выступает в новгородских источниках как особенная политическая сила и поэтому упоминается чаще, чем в других летописях.

Как столетие назад подытожил свои исследования государственно-го управления на Руси М. С. Грушевский, «к органам государственного управления принадлежал еще и княжеский двор, потому что на Руси, как и в прочих примитивных государственных организмах, в организации двора и функциях дворских урядников неразрывно соединялись функции государства с частным характером княжеских хозяйственных агентов».⁴³ В этой небрежной стилистически формулировке (вообще присущей стилю громадного по объему многотомного труда «История Украины–Руси», который Грушевский писал очень быстро и, вероятно, не успевал, как следует, редактировать написанное) проступает верная мысль: двор соединял в себе деятельность государственную с частной, поскольку был вместе с тем еще и усадьбой князя.

Двор в Южной Руси, в частности в Галицко-Волынской, скрыт за терминами источников, о нем почти нет прямых упоминаний. Но в контекстах известий южнорусских летописей двор государей стольных градов Южной Руси как властная структура выступает временами не менее деятельным, чем в Новгороде. Рассмотрю в хронологическом порядке сведения о княжеском дворе в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов начиная с конца XII в.

В 1192 г. новгородский князь Ярослав Владимирович во время пребывания во Пскове (тогда политически зависевшем от Новгорода) «дворъ свой пославъ с плъсковици [псковичами] воевать [немцев], и шьдъше възьяша городъ Медвежю голову и пожьгоша...».⁴⁴ Точно так же в ратных делах 1220 г. действует двор другого новгородского государя Всеволода Мстиславича (сына тогдашнего киевского князя Мстислава Романовича), когда тот поссорился с новгородским посадником Твердиславом, за спиной которого стояла новгородская община: «И поиде князь Всеволодъ съ Городища⁴⁵ съ всѣмъ дворомъ своимъ, и скрутяся в бърне, акы на рать, и приеха на Ярославъ дворъ, новгородци к нему въ оружии и стаща пълкомъ на княжи дворѣ».⁴⁶ В этом контексте слово «двор» выглядит синонимом дружины.

А вот через два года в известии Новгородской летописи двор выступает уже в традиционном значении этого понятия: «На ту же зиму князь Всѣволодъ⁴⁷ побеже въ ночь, утаивъся из Новагорода, съ всѣмъ дворомъ своимъ»,⁴⁸ после чего сел в Торжке, на меже Новгородской земли с Рос-

⁴³ Грушевський М. Історія України–Руси. Т. 3. С. 231.

⁴⁴ Новгородская первая летопись... С. 40.

⁴⁵ Резиденция новгородских князей в нескольких верстах от Новгорода.

⁴⁶ Новгородская первая летопись... С. 60. Ярославов двор был местом пребывания князей в Новгороде в X–XI вв.

⁴⁷ Юрьевич, сын Юрия Всеволодича, внука Юрия Долгорукого.

⁴⁸ Новгородская первая летопись... С. 61.

тово-Суздальским княжеством. Возможно, князь конфликтовал тогда с посадником и вечем.

В 1224 г. случился традиционный для Новгорода конфликт между все тем же князем Всеволодом, с одной стороны, и вечем с посадником — с другой. Об этом свидетельствует и то, что в Торжок, куда вновь бежал Всеволод, «приеха къ нему отецъ Гюрги съ пылкъ и брат его Ярославъ и Василко Костянтиновицъ съ ростовци, Михаил [Всеволодич] с черниговьци». Юрий потребовал от новгородцев выдать ему зачинщиков ссоры с его сыном, на что те ответили отказом. За это Юрий вместе с другими князьями разграбил Новгородскую землю возле Торжка.⁴⁹

В следующем году, когда в Новгороде сидел уже другой князь Ярослав Всеволодич, приглашенный из Переславля-Залесского, 7 тысяч литовцев напали на Новгородскую землю и принесли множество бед, захватив Торопецкую волость и ограбив купцов. Тогда «князь же Ярославъ и Володимиръ⁵⁰ съ сыномъ и с новотържъци, князь дворъ, новгородцевъ мало, торопщане съ князьмъ своимъ Давыдомъ, поидоша на нихъ» и нанесли врагу решительное поражение, убив 2 тысячи воинов и отняв «полон».⁵¹ Подчеркнутые мною слова говорят о том, что основной ударной силой в победной кампании Ярослава был его двор, насчитывавший, можно думать, не одну сотню бойцов.

То же самое наблюдаем в летописном известии 1245 г. Тогда на Новгородскую землю вновь напала литва, разбила немногочисленные контингенты новоторжцев, тверичей и дмитровцев. Князь Александр Ярославич «погонися по нихъ съ своимъ дворомъ, и би я, <...> и не упусти ихъ ни мужа», а затем «в малѣ дружинѣ <...> срѣте иную рать у Вьсвята, <...> и тѣхъ изби, а самъ приде сдравъ и дружина его».⁵² В этом контексте двор выступает как сильный воинский контингент, а «малая дружина» — как его часть.

И все же двор чаще выступает в новгородских летописях в традиционном понимании термина: как властная, административная структура при князе. Под 1240 г. в источнике отмечено: «Выиде князь Олександръ [Ярославич] из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвсья с новгородци»⁵³ — типичная для Новгорода XIII в. картина: князь не желал подчиняться вечу и посаднику и оставил Новгород вместе с двором и дружиной. В 1282 г. поссорились братья-князья Дмитрий и Андрей Александровичи в Северо-Восточной Руси. Андрей с татарской помощью изгоняет Дмитрия из Переславля, и тот «выступи с мужи своими и со дворомъ своимъ, и поиха мимо Новьгорода, хотя в Копорью».⁵⁴

⁴⁹ Там же. С. 64.

⁵⁰ Мстиславич, псковский князь.

⁵¹ Новгородская первая летопись... С. 64.

⁵² Там же. С. 79.

⁵³ Там же. С. 78.

⁵⁴ Там же. С. 324.

Как и «двор», производный от него термин «дворяне» чаще всего встречается также в новгородских летописях. Подобно двору, дворяне были общерусским явлением, нижним звеном господствующего класса. Складывание двора как органа государственного управления решающим образом повлияло на эволюцию средних и нижних слоев служилых людей. Впервые, кажется, дворяне упоминаются в письменных источниках под 1174/75 г. После убийства Андрея Боголюбского заговорщиками из его ближайшего окружения в Боголюбове, резиденции князя, вспыхнуло восстание, сразу же, как обычно бывает в подобных случаях, приобрело криминальный характер: «Горожане же боголюбскийи и дворане разграбиша домъ княж <...> и много зла створися в волости его; посадникъ его и тиуновъ его домы пограбиша, а самѣхъ избиша. Дѣтцыкыѣ и мечники избиша, а домы ихъ пограбиша...».⁵⁵

Краткое сообщение источника свидетельствует о многом. Во-первых, дворяне присоединились к горожанам во время выступления против должностных лиц князя. Во-вторых, они грабили дома посадников, тиунов, детских и мечников — людей из среднего звена управления. Следовательно, эти дворяне считали себя обездоленными и обиженными государем. Но принадлежали ли они к княжескому двору? Полагаю, что да.

Долгое время термин «дворяне» оставался одной из загадок социальной терминологии древнерусских источников. М. Б. Свердлов подробно рассмотрел мнения своих предшественников и аккумулировал их выводы в словах: «Дворяне (слуги, слуги дворные) являлись свободными служилыми князю людьми. Нет данных о том, что в их числе были холопы или другие категории зависимых». Такое впечатление могло создаться, продолжает исследователь, из-за того, что их временами необоснованно объединяли со слугами княжеского хозяйства — министрами, в число которых входили как лично свободные, так и зависимые люди — рядовичи и холопы. Поскольку служилые люди принадлежали к княжескому двору, то младших среди них стали называть словом „дворянин“, т. е. принадлежащий ко двору.⁵⁶

Многие историки считают, что объединение военных, судебных, административных и сугубо служебных обязанностей группой людей на княжеском дворе доказывает генетическую наследственность дворян относительно детских и отроков, подобно тому, как двор стал наследником дружины.⁵⁷ И. Я. Фроянов образно заметил, что с конца XII в. можно наблюдать, как младшая дружина (отроки, детские, милостники) постепенно поглощается двором, по мере разложения дружинных связей.⁵⁸ На мой взгляд, связь между этими явлениями существовала, но

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 369–370.

⁵⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 593–596.

⁵⁷ См., например: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 80–81; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 593–595.

⁵⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 95.

она не была столь прямой и непосредственной, как представляется коллегам.

Попытаюсь объяснить странное, на первый взгляд, почти полное отсутствие термина «дворяне» в южнорусских летописях: Киевской XII в. и Галицко-Волынской XIII в. — по-прежнему их заменяют тождественные по смыслу традиционные слова «отрок», «детский» и др.

Обращусь к упоминаниям о дворянах в Новгородской летописи, что позволяет в определенной мере конкретизировать круг их обязанностей и само их место в княжеской администрации — княжеском дворе. В сравнении с более частыми упоминаниями двора их немного, но они представляются достаточно красноречивыми.

В 1210 г. новгородцы восстали против своего князя Святослава Всеволодича, будучи инспирированными сторонниками Мстислава Мстиславича Удатного из династии смоленских Ростиславичей. Призванный горожанами Мстислав захватил Торжок и «изма дворянъ Святолавли», а затем заключил соглашение с новгородским вечем, после чего новгородцы позвали «съ великою честию» Мстислава на стол, а Святослава Всеволодича «посадиша во владыцни дворъ [заключили под стражу] и съ мужи его».⁵⁹ В сообщении источника дворяне являются ближайшим окружением князя Святослава, они держали порубежный, стратегически очень важный новгородский город Торжок, они, надо думать, скрываются за словами «мужи его», которых бросили в темницу вместе с их князем.

В 1214 г. Мстислав Мстиславич, который, как мало кто из князей, умел ладить с новгородским вечем и с посадником, пошел на чюдъ. «И чюдъ поклонишася ему, и Мьстиславъ же князь взя на нихъ дань, и да новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третьюю чясть дворяномъ».⁶⁰ Из контекста сообщения выходит, что термин «дворяне» охватывал не только собственно двор, но и дружину князя. Более того, в этом контексте дворянами названо, наверное, все новгородское войско: ведь в начале рассказа о походе сказано, что Мстислав «иде <...> съ новгородьци на чюдъ»! Следовательно, термин «дворяне» не имел строгих рамок употребления и точного смысла. В каких-то случаях его применяли к войску, бывшему с князем, вероятнее всего, к его дружине. Вижу в этом отзвук традиционного применения слова «дружина» в источниках к любому воинскому контингенту русского государя. Впрочем, подобный вывод нуждается в подтверждении источниками.

В следующем году Мстислав Мстиславич «по своей воли» подался в Киев — важное уточнение в устах летописца, ведь обычно князя заставляли покинуть Новгород сами горожане. После этого новгородцы позвали на стол Ярослава Всеволодича, внука Юрия Долгорукого, и торжественно встретили его. Однако князь сразу же начал соперничать с городской общинной властью, притеснял тысяцкого и посадника.

⁵⁹ Новгородская первая летопись... С. 51.

⁶⁰ Там же. С. 52–53.

Преследуя собственные цели, Ярослав прекратил привоз хлеба в Новгород, что привело к голоду в городе. «И бысть Новѣгородѣ печаль и выпль». Мстислав Мстиславич узнал о совершенном князем зле, стремительно въехал в Новгород и «я Хота Григоревиця, намѣстника Ярослава, и всѣ дворяны искова».⁶¹ Из приведенного текста можно понять, что те закованные в железо новгородцами дворяне Ярослава были его чиновниками, совершавшими насилия над жителями. Вскоре после того Мстислав выбил Ярослава из Новгорода и занял его стол.⁶²

Среди упоминаний источников о дворянах в других русских землях выделяю запись той же Новгородской летописи под 1218 г. Тогда рязанский князь Глеб Владимирович решился убить нескольких князей. Те доверчиво откликнулись на его приглашение «на часть пирения»: «Вси б князь, кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатъръ ею», а Глеб «прѣже прихода ихъ изнарядивъ свое дворяне и братие и поганых половъчъ множество въ оружии».⁶³ В этом контексте дворяне могут рассматриваться и как собственно двор князя, и как его ближняя дружина.

Следовательно, княжеский двор на Руси в XII–XIII вв. был движущей силой власти, инструментом осуществления государем заданий внутренней и внешней политики. В его деятельности как в капле воды отразились закономерности бытия древнерусского общества со всеми сложностями и противоречиями этого явления.

SUMMARY

The princely court was the heart of the state, albeit functioning irregularly enough and with glitches. This paper deals with the following issues: the princely retinue (*druzhina*) administering the country (a forerunner to the court), the first shaping and further evolution of the princely court during the 12th and 13th centuries, and the court and its servants as new nobles. Sources used include the Kiev Chronicle dating back to the 12th century, the 13th-century Galicia and Volyn' Chronicle, the First Novgorod Chronicle, as well as other annals.

⁶¹ Там же. С. 54–55.

⁶² Там же. С. 54–57.

⁶³ Там же. С. 58.